

Ю. Манн

«Одно из глубочайших созданий Гоголя»

1

Друг Гоголя, известный в свое время писатель и критик П. Анненков, вспоминает:

«Однажды при Гоголе рассказан был канцелярский анекдот о каком-то бедном чиновнике, страстном охотнике за птицей, который необычайной экономией и неутомимыми, усиленными трудами сверх должности накопил сумму, достаточную на покупку хорошего лепажевского¹ ружья рублей в 200 (асс.). В первый раз, как на маленькой своей лодочке пустился он по Финскому заливу за добычей, положив драгоценное ружье перед собою на нос, он находился, по его собственному уверению, в каком-то самозабвении и пришел в себя только тогда, как, взглянув на нос, не увидел своей обновки. Ружье было стянуто в воду густым тростником, через который он где-то проезжал, и все усилия отыскать его были тщетны. Чиновник возвратился домой, лег в постель и уже не вставал: он схватил горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавших о происшествии и купивших ему новое ружье, возвращен он был к жизни... Все смеялись анекдоту, имевшему в основании истинное происшествие, исключая Гоголя, который выслушал его задумчиво и опустил голову. Анекдот был первой мыслию чудной повести его “Шинель”».

П. Анненков — точный мемуарист; то, что он рассказывает, как правило, соответствует действительности. И мы можем рассматривать «канцелярский анекдот» как исходный момент творческой истории повести.

Услышал Гоголь этот анекдот еще до отъезда за границу, в 1833–1836, в Петербурге.

К этому времени Гоголь был уже знаменитым писателем, автором произведений, которые привлекли к себе всеобщее внимание.

Первая книга повестей Гоголя, «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832), со страниц которой вставал пленительный и чудесный образ Украины, поразила читателей силой и оригинальностью юмора. «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности», — писал Пушкин, прочитав ее. Позднее Пушкин вспоминал: «Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина!»

Талант Гоголя созрел необычайно быстро, стремительно. В повестях, собранных в сборниках «Арабески» и «Миргород» (оба вышли в 1835), взгляд писателя на жизнь стал глубже, серьезнее, печальнее. На это изменение одним из первых обратил внимание Пушкин. Он заметил, что со времени «Вечеров...» Гоголь «непрестанно развивался и совершенствовался» и что новое его произведение (конкретно Пушкин имел в виду вошедшую в «Миргород» повесть «Старосветские помещики») «заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления».

«Я сам почувствовал, что уже смех мой не тот, какой был прежде, — вспоминал позднее Гоголь, — что уже не могу быть в сочиненьях моих тем, чем был дотоле, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вместе с молодыми моими летами».

Гоголь ищет теперь такие «сюжеты», которые помогли бы раскрыть царящие в обществе пороки и «несправедливости» (выражение самого писателя). Полнее всего эта цель воплотилась в комедии «Ревизор», появившейся на сцене и в печати в 1836. Но одновременно — таково уж было свойство многостороннего гоголевского таланта — писались или обдумывались и другие произведения, произведения с «правдой и злостью», говоря словами автора.

¹ Изделие знаменитого в конце XVIII века французского оружейника Жана Ле Пажа (Jean Le Page).

Таким образом, «канцелярский анекдот», услышанный Гоголем в середине 1830-х, упал на подготовленную почву. В сознании писателя началась подспудная, многолетняя работа... В 1841 повесть «Шинель» была в основном написана.

Вы видите теперь, прочитав повесть, насколько отошел Гоголь от «канцелярского анекдота». Зерно анекдота, конечно, сохранилось: некое чрезвычайное событие в жизни бедного чиновника, потеря им очень важной и дорогой для него вещи. Но конкретное протекание события и его исход, облик главного персонажа — все это под пером Гоголя претерпело решительные изменения. Изменения, которые помогают нам понять творческое задание повести.

Хотя мы мало что знаем о чиновнике из «канцелярского анекдота», об его образе жизни, привычках и т. д., но одно все же известно: он был страстный охотник. А это значит, что чиновничья служба не поглощала все его душевные силы, оставляя место для других, так сказать внеслужебных увлечений, для того, что сегодня принято называть хобби.

Иное дело Акакий Акакиевич: он всецело жил «в своей должности». Переписыванию посвящались часы его департаментских занятий и часы после работы, предназначенные для отдыха и развлечения. «Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало». Кажется, никогда дружеское участие или улыбка не озарили его жизнь; ему были незнакомы женская ласка и забота. Повествование сразу же от рождения Акакия Акакиевича переносит нас к годам его службы: создается впечатление, что у него не было биографии, что он так и родился титулярным советником и переписчиком.

Само понятие «переписыванье», много раз повторяемое в повести, полно глубокого смысла. Смысла почти символического. Когда Хлестаков в «Ревизоре» хочет показать Городничему и другим, что он что-то значит, он говорит: «Вы, может быть, думаете, что я только *переписываю*? Нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге». И потом Хлестаков с презрением отзывается о другом: «эдакая крыса, пером только: тр, тр... пошел писать». Переписыванье канцелярских бумаг — это простейшее дело, примитивное, нетворческое, достойное скорее автомата, чем человека. И этим делом Акакий Акакиевич занимался всю свою жизнь! Собственно, к другому делу он и не способен, другого он и не хочет, вполне примирившись со своею участью.

Младший современник Гоголя критик Аполлон Григорьев называл это «обмеленьем» человека, «обмеленьем божьего создания» и прибавлял, что «волос становится дыбом» от того юмора, «с которым следится это обмеление».

Но продолжим сопоставление повести с «канцелярским анекдотом». Фигурирующее в нем ружье — это предмет не первой необходимости, но в какой-то мере прихоти, хотя он и приобретен ценою невероятных усилий и лишений. Кстати, в тексте «Шинели» словно брошен намек на такого рода приобретение: упомянуто о чиновниках, судя по всему небогатых чиновниках, обзаводящихся модной «лампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний». Строки эти подготавливают, предваряют историю приобретения Акакием Акакиевичем шинели. Подготавливают методом противопоставления, контраста. Ведь в отличие от ружья, модной лампы и т. д., шинель для Акакия Акакиевича — вещь насущно необходимая. И отважился он на это приобретение лишь тогда, когда избежать его уже не было никакой возможности, когда старый «капот» износился до крайности. И сколько душевных сил, сколько экономии, хитроумнейших грошовых расчетов бедности, сколько дум было отдано этой обновке! Шинель поистине стала смыслом всей многотрудной и безрадостной жизни Акакия Акакиевича.

Далее: утрата чиновником-охотником вещи — это результат случайности и небрежения. Со всяким может случиться такое, и винить тут, собственно, некого. Но роковая потеря Акакия Акакиевича целиком находится в зависимости от людских

отношений — хищничества и грубой физической силы одних, бессердечия и душевной черствости других.

Финал «Шинели» в корне противоположен «канцелярскому анекдоту». Вспомните: участием товарищей, возместивших «общей подпиской» потерю ружья, пострадавший чиновник «возвращен... был к жизни». В гоголевской повести есть строки, словно подсказанные этим эпизодом: чиновники тоже решили сделать складчину в пользу Акакия Акакиевича, но собрали «самую безделицу» — ведь они уже изрядно поиздержались, «подписавшись на директорский портрет» и на книгу какого-то автора, который был приятелем начальника отделения. И тут намек на канцелярский анекдот важен Гоголю своим контрастом: в судьбе Акакия Акакиевича все сложилось тяжелее и трагичнее — никто не заступился и не помог ему. Ни сослуживцы по департаменту, ни блюстители порядка — полицейские, ни «значительное лицо», к которому вынужден был обратиться Акакий Акакиевич. Повесть в заключение лицом к лицу сталкивает маленького человека с жестокой бюрократической машиной. И эта машина безжалостно давит и уничтожает его.

Как вы видите, Гоголь изменял и перерабатывал реальный материал таким образом, чтобы на первый план выступила гуманная идея. Он взял героя, занимавшего одно из самых последних мест в иерархической системе царской России, тишайшее и безобиднейшее существо, никогда не причинявшее никому никакого зла, покорно сносившее всяческие лишения и насмешки, не обнаруживавшее никогда никаких притязаний, разве что притязание на самое необходимое — на «шинель», и то лишь тогда, когда без нее уже никак нельзя было обойтись. И вот этого-то человека жизнь беспощадно наказывает и уничтожает, как какого-то злодея и преступника!

2

Гуманный смысл повести создается не только выбором персонажей и окружающих его обстоятельств, но и самой манерой повествования. Это общее правило: в художественном произведении важно не только то, *что* рассказывается, но и *как* рассказывается — каким образом, каким тоном.

Если вы задумаетесь над характером повествования в «Шинели», то столкнетесь с некоторыми неожиданными на первый взгляд вещами. Ну, например, с тем, что рассказ ведется в основном в шутовском тоне, в тоне непритязательной, свободной «болтовни». Герой жалок, несчастен, а рассказчик, словно не замечая этого, смеется над ним. Он говорит, что чиновники, насмехаясь над Акакием Акакиевичем, отнимали у его шинели «благородное имя шинели и называли ее капотом», но затем и сам, словно позабывшись, тоже несколько раз называет ее капотом.

Или рассуждение о происхождении фамилии героя: «Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по одному имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурина, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки». Вероятно, вы прочитали эти строки с улыбкой, и улыбка эта была вызвана явной нелогичностью умозаключения: ведь происхождение фамилии Акакия Акакиевича не очень-то зависело от того, в чем ходили его отец и дед. И уж наверное, никакого отношения к ней не имеют сапоги шурина.

А несколькими строками ниже, в рассказе о том, как выбирали герою имя, упоминается «покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина», «кум, превосходный человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова». Смысловой несообразности в этих строках нет, зато есть какая-то нарочитая многословность: рассказчик словно задался целью передать все подробности,

не такие уж важные для развития действия; упомянуть всех лиц, которых он знает лично или наслышан о них от хороших знакомых.

В этих местах повести вы как будто чувствуете, что Гоголь говорит о всем происходящем не «от себя лично», но словно перепоручает рассказ другому лицу. Лицу, которое и своим обликом и биографией близко описываемым героям. Зачем Гоголь все это делает, мы скажем несколько ниже. Пока же отметим, что в повести есть и другой стиль повествования.

Вспомните то место, где говорится об «одном молодом человеке», которого потрясли издевательства чиновников над Акакием Акакиевичем. «И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу... И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным». Это уже другой тон, другая речь. Ни капли насмешки. Стиль печальный, торжественный, возвышенный. Фраза ритмически организованная, с так называемой анафорой — нарочитым единоначатием («и долго..., и закрывал..., и много раз...»). Мы слышим необычное, сокровенное слово, имеющее высокий философский смысл.

Заметим также, что это слово не безличное; оно как бы привязано к определенному персонажу, сказано от его имени. Персонаж этот хотя и эпизодический, но очень важный для повести — некий молодой чиновник, недавно определившийся в канцелярию и открытый голосу совести и сострадания. Гоголь любил вводить такие эпизодические персонажи, они помогали ему контрастно оттенять переживания пошлых «существователей» более значительным и высоким чувством.

В «Мертвых душах», рассказывая о встрече Чичикова с красавицей, Гоголь вспоминает о «двадцатилетнем юноше», «гусаре»: этот вел бы себя не так, как Чичиков, красота глубоко взволновала бы его. «Долго бы стоял он бесчувственно на одном месте, вперивши бессмысленно очи в даль, позабыв и дорогу, и все ожидающие впереди выговоры, и распеканья за промедление, позабыв и себя, и службу, и мир, и всё, что ни есть в мире». По стилю это место напоминает описание «одного молодого человека» в «Шинели» — та же торжественность, возвышенность, ритмическая организованность речи, указывающие на значительность и необычность переживания.

Но, пожалуй, упомянутому эпизодическому персонажу в «Шинели» придается еще большая роль, чем «двадцатилетнему юноше» в «Мертвых душах». Заметьте: встреча с Акакием Акакиевичем не только потрясла молодого чиновника, она оказала решающее воздействие на всю его жизнь, перевернула все его понятия и представления. «Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей». Встреча с Акакием Акакиевичем стала для молодого человека открытием, и это открытие касалось самой сути людских отношений. Ведь для окружавших Акакия Акакиевича людей — светских и не светских — он был не человеком, а каким-то низшим существом, чуть ли не насекомым («сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетала простая муха»). Молодой же чиновник впервые увидел в гонимом и всеми презираемом существе — человека, и в проникающих словах «оставьте меня, зачем вы меня обижаете» он услышал другие слова: «я брат твой». Все это необычайно повышает ту роль, которую играет указанный эпизод в общем развитии повести.

Важно обратить внимание на то, что возвышенная, «проникающая» речь звучит в повести не только в этом эпизоде. Не однажды повествователь откладывает в сторону шуточный тон, чтобы сказать обо всем происходящем очень серьезно и проникновенно, как, например, в заключение жизнеописания Акакия Акакиевича: «Исчезло и скрылось существо никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить

на булавку обыкновенную муху...» Вновь звучит открытое горькое негодование по поводу негуманного отношения к человеческому существу, низведенному в общественном мнении на уровень насекомого — и даже ниже уровня насекомого (вторичное упоминание в повести «мухи», как видите, полно скрытого, иронического смысла).

Какое же значение имеет шуточный тон некоторых описаний в «Шинели»? Гоголь не скрывает смешных сторон в облике своего героя — того, что Аполлон Григорьев называл «обмельнем» души. Больше того, временами повествователь словно заставляет нас стать на точку зрения тех, кто видит в Акакии Акакиевиче только забавное, смешное.

Но смешное смешному рознь. Бывает смех, который обличает, несет в себе лишь осуждение. Смех, вызываемый гоголевским персонажем, не таков: осуждение неуловимо связано здесь с сочувствием, с состраданием. Нам, конечно, смешна ограниченность Акакия Акакиевича, но мы в то же время видим его незлобивость, видим, что он вообще находится вне эгоистических расчетов, корыстных побуждений, волнующих других людей. Словно перед нами существо не от мира сего.

Но в отличие от окружавших Акакия Акакиевича бесчувственных чиновников, читатель, конечно, не останавливается, не может остановиться на юмористической точке зрения. В свете проникновенных слов о человеческом в Акакии Акакиевиче («...я брат твой») мы уже иными глазами смотрим на смешное и забавное в нем. Смех заставляет отнестись к человеку с пониманием, с сочувствием. Тургенев говорил в таких случаях: «Чему посмеешься, тому послужишь». И не одному читателю, по мере развития повести, вероятно, становилось не по себе, что он мог вначале посмеяться над причудами и недостатками этого гонимого и страдающего существа. В расчеты Гоголя как художника-гуманиста, без сомнения, входило намерение вызвать это «раскаяние». Ведь чтение художественного произведения — очень сложный процесс, в котором подчас одно впечатление сменяется другим, более глубоким и истинным.

А как следует понимать заключительные страницы повести — фантастический финал? Иным может показаться, что чиновник, снимающий чужие шинели, — это определенно Акакий Акакиевич Башмачкин, вернее, его призрак. Другим же казалось, что ничего фантастического в финале повести нет, что это все просто небылицы и недоразумение. Именно так понял произведение один из царских цензоров, писавший, что слух о появлении мертвеца «был распущен ворами», с тем чтобы можно было безнаказанно заниматься грабежом. Но ни та, ни другая точка зрения не соответствует истине.

Обратите внимание: рассказчик нигде от своего имени не говорит, что появившееся таинственное лицо — это Акакий Акакиевич. Правда, он заявляет вначале, что последнему суждено было «на несколько дней прожить шумно после своей смерти», но не говорит, какой в этом заключен смысл. Может быть, «прожить» в воображении других? Заставить о себе говорить, волноваться, переживать — «как бы в награду за не примеченную никем жизнь»?

Все свидетельства о том, что таинственный мертвец — это Акакий Акакиевич, даются от имени других персонажей: департаментского чиновника, «будочника какого-то квартала», наконец, «значительного лица». Да и как даются эти свидетельства? Большой частью в тоне неопределенности: «Покамест они (будочники) поднесли кулаки протереть их (свои глаза), мертвеца и след пропал, так что они *не знали даже, был ли он точно в их руках*». Более определенно свидетельство «значительного лица», узнавшего в мертвеце Акакия Акакиевича, но не надо забывать о душевном состоянии «значительного лица» — угрызениях совести после известия о смерти бедного чиновника, беспокойстве, подогретом всеобщими слухами. Таинственного грабителя «значительное лицо» встретил в «ужасе», а мало ли что может померещиться в таком состоянии.

Рассказчик же нигде не хочет подтвердить или опровергнуть показания своих персонажей. И поступает он так намеренно, вполне осознанно; чтобы в этом убедиться, приведу следующий пример. В черновиках повести рассказчик один раз назвал

таинственного пришельца Акакием Акакиевичем: «Акакий Акакиевич стал показываться иногда и дальше Поцелуева (моста)». В окончательном тексте писатель снял имя: «мертвец-чиновник стал показываться даже за Калинкиным мостом».

Значит ли это, что все таинственное в финале сводится к простым слухам и недоразумению? Вовсе нет. Окончание повести явно фантастично, и эта фантастичность самой своей неопределенностью, таинственностью очень углубляет гоголевскую картину мира, усиливает ее гуманистическую идею.

Если бы мы, например, знали, что таинственный грабитель, покаравший «значительное лицо», — это определенно Акакий Акакиевич, то перед нами в какой-то мере была бы счастливая развязка. Обиженный чиновник добился бы своего, обрел бы наконец утраченную шинель, да еще какую — с генеральского плеча! Но в том-то и дело, что Гоголь не хочет давать утешительной развязки, не хочет успокаивать совесть читателя и все происходящее в финале оставляет, так сказать, на уровне таинственной недоговоренности.

И разве сама эта таинственность и странность не характеризуют общество, где так «непостижимо играет нами судьба наша» («Невский проспект»), где вместо человеколюбия и сострадания господствовала вакханалия чина и денег?

* * *

Впервые «Шинель» появилась в третьем томе «Сочинений Николая Гоголя», вышедшем в свет в начале 1843.

В этом томе «Шинель» была опубликована среди других повестей: «Невский проспект», «Нос», «Портрет», «Коляска», «Записки сумасшедшего», «Рим».

Все эти произведения (кроме «Коляски» и «Рима») называют «петербургскими повестями». Хотя это выражение не принадлежит самому Гоголю, оно закрепилось за его повестями, так как довольно удачно объединило их в один цикл. Острота конфликтов, тревожная атмосфера большого столичного города, причудливое переплетение фантастики и реальности, тема «маленького человека» — все это отличает «петербургские повести» как единый цикл. И пожалуй, с наибольшей силой выразились эти особенности именно в «Шинели».

Несмотря на то что «Шинель» вышла почти одновременно с центральным произведением Гоголя «Мертвые души» (1842), она не осталась в тени. Повесть произвела сильнейшее впечатление на современников. Белинский, по-видимому прочитавший «Шинель» еще в рукописи, сказал, что это «одно из глубочайших созданий Гоголя». «Колоссальным произведением» назвал «Шинель» Герцен.

Известна крылатая фраза: «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”». Эту фразу записал французский литератор Мелькиор де Вогюэ со слов одного русского писателя. К сожалению, Вогюэ не сообщил, кто был его собеседником. Скорее всего, Достоевский, но высказывалось предположение, что это мог сказать и Тургенев. Так или иначе, фраза афористически точно характеризует влияние Гоголя на русскую литературу, осваивавшую тему «маленького человека», углублявшую свой гуманистический пафос.

Но влияние «Шинели» не ограничивается Россией и литературой русской. Еще в 1843 польский писатель М. Грабовский сказал о «Шинели»: «Сколько находим поэзии в этих зрелищах повседневной прозы!.. Не знаю писателя, который бы лучше Гоголя умел самый обыкновенный предмет обвеять дыханием поэзии, — и это дает ему высокое место между поэтами всех веков и народов». Венгерский поэт прошлого века Янош Арань, отдавая гоголевской повести дань восхищения, подписывал некоторые свои произведения псевдонимом «Акакий Акакиевич».

В наше время международная популярность повести «Шинель» растет год от года. Инсценировка «Шинели» ставилась в Варшаве, в театре «Нова комедия» (автор инсценировки известный польский поэт Юлиан Тувим), в Турции и в других странах. В пятидесятые годы «Шинель» поставил знаменитый французский мим Марсель Марсо,

объездивший со своим спектаклем более двадцати стран, произнесший слова: «“Шинель” стала руководящей нитью нашего театра».

Мир читает, восхищается, осваивает «одно из глубочайших созданий Гоголя».